

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-433-454

УДК 811.111'42

Научная статья / Research article

Формально-содержательная организация гибридного художественно-правового дискурса

Е.В. Дзюба¹ , И.Ю. Рябова²

¹Уральский государственный педагогический университет,
620017, Российская Федерация, Екатеринбург, проспект Космонавтов, 26

²Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

 ev_dziuba@uspu.me

Аннотация. Исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы в изучении языка с привлечением методов когнитивно-дискурсивного, концептуального, контекстуального, структурно-семантического, компонентного, дефиниционного и этимологического анализа. В статье определяется понятие ситуативной эквивалентности, устанавливаются ее параметры в гибридном художественно-правовом дискурсе, который формируется в нарративно-документальном пространстве, охватывающем содержание романа И. Макьюэна «Закон о детях» и одноименного закона, принятого Парламентом Великобритании в 1989 году. При этом гибридный художественно-правовой дискурс, маркированный — в силу взаимопроникновения двух концептуальных пространств — интертекстуальностью и интердискурсивностью, рассматривается как особая социокультурная практика, призванная обнаружить остросоциальные проблемы общества и осветить их не только с правовой, но также с общегуманистической позиций. Подчеркивается, что нарративная модель художественно-правового дискурса обобщает элементы пяти уровней его формально-содержательной организации: 1) поверхностная структура текста (событийный ряд, фактуальная информация); 2) «семантическое ядро» содержания; 3) детализация или генерализация описания ситуации; 4) грамматические средства выражения смысла; 5) прототекст (нехудожественный текст, который лег в основу литературного произведения; здесь — «Закон о детях»). Понятие ситуативной эквивалентности трактуется с учетом трех параметров: идентичность основных существенных свойств концептуальных пространств и их функций; равноценность ситуаций с юридической точки зрения (константные параметры); наличие дополнительных коннотаций (вариативный параметр). Предметом данного исследования являются языковые маркеры юридического дискурса и единицы художественного текста, рассматриваемые в сопоставительном аспекте с точки зрения их ситуативной эквивалентности. В аспекте наличия или отсутствия коннотативного потенциала исследуемых тематических единиц разграничивается полная и частичная ситуативная эквивалентность. Представленная концепция демонстрируется на примере концепта РАЗУМНОСТЬ, репрезентирующего идею правильности (серьезности, корректности, рациональности) профессиональных действий представителей судебной власти и принятых ими решений.

© Дзюба Е.В., Рябова И.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Отмечается, что интерпретационный потенциал данного концепта существенно расширяется вследствие интеграции языковых маркеров юридического дискурса в нарративное пространство художественного текста; опора на прототекст позволяет выявить тематические единицы гибридного художественно-правового дискурса, составляющие «семантическое ядро» анализируемого концептуального пространства. В работе обозначена точка зрения, что вследствие формирования у концепта дополнительных коннотаций в смысловой структуре художественного текста обогащается и соответствующий фрагмент концептуального пространства правового документа. На примере изучения концепта РАЗУМНОСТЬ демонстрируется процесс моделирования когнитивного феномена, формирующегося в процессе гибридизации двух концептуальных пространств (художественного и правового) как особый динамический комплекс специфических свойств и характеристик.

Ключевые слова: гибридный дискурс, художественно-правовой дискурс, нарративно-документальное пространство, ситуативная эквивалентность, параметры ситуативной эквивалентности, тематическая единица, языковой маркер юридического дискурса, концепт

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2022

Дата приема в печать: 15.03.2022

Для цитирования:

Дзюба Е.В., Рябова И.Ю. Формально-содержательная организация гибридного художественно-правового дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 433–454. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-433-454>

Formal and Semantic Organization of Hybrid Literary-Legal Discourse

Elena V. Dziuba¹ , Irina Y. Ryabova²

¹Ural State Pedagogical University,
26, prospect Kosmonavtov, Yekaterinburg, Russian Federation, 620017

²Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
21, Komsomol'skaja str., Yekaterinburg, Russian Federation, 620137

 ev_dziuba@uspu.me

Abstract. The research is carried out through cognitive-discursive paradigm in language learning using the methods of cognitive-discursive, conceptual, contextual, structural-semantic, component, definitional and etymological analysis. The article defines the concept of situational equivalence and sets its parameters in a hybrid literary-legal discourse, which is formed in the narrative-documentary space, dealing with the content of the novel by I. McEwan “The Children Act” and the real law of 1989, adopted by the British Parliament. At the same time, the hybrid literary-legal discourse, marked — due to the interpenetration of two conceptual spaces — by intertextuality and interdiscursivity, is considered to be a special socio-cultural practice designed to reveal urgent social problems and highlight them not only from a legal, but also from a humanistic aspect. The narrative model of literary-legal discourse is emphasized to generalize the elements of five levels of its formal and meaningful organization: 1) the surface structure of the text (event series, factual information); 2) the “semantic core” of the content; 3) detailing or generalization of the description of the situation; 4) grammatical means of expressing the meaning; 5) proto-text (non-literary text that formed the basis of a literary work; here — “The Children Act”). The concept of situational

equivalence is interpreted taking into account three parameters: the identity of the main essential properties of conceptual spaces and their functions; the equivalence of situations from a legal point of view (constant parameters); the presence of additional connotations (variable parameter). The subject of this research is the linguistic markers of legal discourse and the units of a literary text, considered in a comparative aspect from the point of view of their situational equivalence. We also speak about full and partial situational equivalence from the point of view of the presence or absence of the connotative potential of the studied thematic units. The presented conceptual theory is demonstrated by the example of the concept REASONABLENESS, which explicates the idea of rightness (seriousness, correctness, rationality) of professional actions of judicial representatives and their decisions. It is noted that the interpretative potential of this concept is significantly expanded due to the integration of language markers of legal discourse into the narrative space of a literary text; reliance on prototext allows us to identify thematic units of hybrid literary-legal discourse that make up the “semantic core” of the analyzed conceptual space. Due to the fact that the concept obtains additional connotations in the semantic structure of the literary text, thus, the corresponding fragment of the conceptual space of the legal document is also enriched. The study of the concept REASONABLENESS as a special dynamic complex of specific properties and characteristics shows the process of modeling a cognitive phenomenon in the process of hybridization of two conceptual spaces (literary and legal).

Key words: hybrid discourse, literary-legal discourse, narrative-documental space, situational equivalence, parameter of situational equivalence, thematic unit, linguistic marker of legal discourse, concept

Article history:

Received: 01.03.2022

Accepted: 15.03.2022

For citation:

Dziuba, E.V. & Ryabova, I.Y. (2022). Formal and Semantic Organization of Hybrid Literary-Legal Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 433—454. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-433-454>

Вводные замечания

Проблема изучения гибридного дискурса, предпосылкой которого становится трансфер гуманитарного знания из одной концептуальной области в другую, является новой в когнитивной лингвистике. Суть «смешанного», художественно-правового формата дискурса заключается во взаимовлиянии и взаимообогащении двух сфер — концептуального пространства правовой документации и нарратива художественно-эстетического творчества, репрезентирующего отдельные аспекты права, в частности, например, вопросы профессионализма представителей судебной власти. Столкновение двух дискурсов обусловлено идейным замыслом романа И. Макьюэна «Закон о детях» и содержанием одноименного правового документа, изданного в 1989 году. Изучение языкового и концептуального планов этих текстов в их взаимодействии позволяет проследить процесс моделирования когнитивных структур (категорий и концептов) в гетерогенном пространстве гибридного дискурса.

По замечаниям А.А. Джигоевой и О.Ф. Стрельниковой, «ничто значимое в мире не может не пройти процесс языковой номинации и не найти свою адекватную языковую репрезентацию» [1]. В остросоциальном романе бри-

танского писателя И. Макьюэна «Закон о детях» акцептируются ключевые вопросы английского права, касающиеся благополучия ребенка, воспитания здоровой личности, морально-этические вопросы свободных религиозных верований и др. Главным персонажем романа является судья Фиона Мей, образ которой строится на персонифицированной концепции поведения, интегрирующей «слово» закона, собственные ценностные установки, личный жизненный опыт и бесценный опыт коллег [2]. Мотивом для написания романа стал принятый в 1989 году Парламентом Великобритании «Закон о детях» / *The Children Act*, который обозначил основные направления в разрешении судебных семейных споров: ответственность родителей перед детьми, условия опекуна, вопросы поддержки семей местными органами власти, основы гуманизма в процессе принятия судебных решений и т.п. [3].

В основу настоящего исследования положена **гипотеза** о формировании гибридного художественно-правового дискурса как социокультурной практике, тесно связанной с социальным, политическим и правовым контекстом и вскрывающей социальные вопросы общества через призму авторской интерпретации в художественном произведении. Сосуществование правового документа, имеющего юридическую силу, и индивидуальной авторской его интерпретации в литературном произведении создает основу для формирования гибридного дискурса. По замечаниям О.А. Солоповой и К.А. Наумовой, «взаимопроникновение и интеграция характеристик тех или иных типов дискурса порождает качественно новый формат дискурса, не сводимый к сумме его составляющих» [4]. В данном исследовании гибридный художественно-правовой дискурс определяется как результат интеграции языковых маркеров и концептов юридического дискурса в нарративное пространство художественного текста, формирующего единое эмерджентное новообразование — пространство нарративно-документальное. Под языковыми маркерами юридического дискурса понимается терминология и специальная лексика правовой сферы, репрезентирующая юридическое знание и зафиксированная в основном в юридических словарях, а также — в иных лексикографических источниках (толковых и этимологических) при условии наличия в дефиниции сем, связанных с концептуальной областью правовых отношений.

Кроме того, гибридный дискурс, сформированный на стыке права и художественного нарратива, рассматривается как особый тип текстовой структуры, маркированный интертекстуальностью. По мнению Н.А. Фатеевой, «... интертекстуальность — это установка на (1) более углубленное понимание текста или (2) разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами» [5]. В.Е. Чернявская отмечает, что принцип дискурсивности заключается в том, чтобы понимать текст «не как изолированную единицу, а как составную часть метатекстового единства» [6]. Гибридный художественно-правовой дискурс, представленный многообразием текстового материала, на глобаль-

ном уровне аккумулирует знание о своеобразии исторических эпох и ключевых поворотных моментах, которые «проживали» правовые институты различных государств. Принимая во внимание мысль М.Л. Новиковой о том, что «смысловой информации разнородных художественных текстов имманентно присуще свойство конденсироваться, превращаться в некоторый обобщенный художественный смысл, который соотносится с системой ценностей, присущих национальной культуре и национальной ментальности», обозначим, что «конденсат» обобщенных смыслов, сформированных в тексте гибридного формата, репрезентирует сугубо национальные черты правового сообщества [7].

Цель исследования — выявление особенностей смысловой и организационной структуры гибридного дискурса, эксплицирующей концептуальные представления о разумности судебных деяний, зафиксированных в правовом документе «Закон о детях» 1989 года и описанных И. Макьюэном в одноименном романе. В целях реализации основной идеи исследования используются общенаучные **методы** когнитивно-дискурсивного, концептуального, контекстуального, структурно-семантического анализа с привлечением более частных методик компонентного, дефиниционного и этимологического анализа.

Когнитивно-дискурсивный метод нацелен на исследование художественно-правового дискурса как явления, в рамках которого моделируются когнитивные феномены (категории и концепты) в результате аккумуляции нового знания в ходе гибридизации двух совершенно различных по своей стилистике и специфике отображения реальности дискурсов. Концептуальный анализ позволяет выявить дополнительные коннотации, приобретаемые единицами правовой сферы в результате их трансфера в нарративное пространство художественного текста. Контекстуальный анализ призван описать взаимодействие языковых средств выражения в текстовом фрагменте конкретного дискурса и завершить описание семантики лексической единицы «гибридного характера». Структурно-семантический метод позволяет проследить изменения значений в слове (в т.ч. термине) посредством актуализации его этимологического компонента, выявления ключевых дифференциальных сем, исследования дефиниции слова и синтаксической организации предложения, в которое включена данная единица.

Специальное юридическое знание, репрезентированное языковыми маркерами юридического дискурса, вживается в нарративное пространство художественно-эстетического произведения посредством механизмов, приемов и средств трансфера.

Под **трансфером** гуманитарного знания, вслед за Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой, мы понимаем процесс переноса в концептуальную область художественного текста индивидуального — накопленного обществом в определенной сфере — знания (здесь: юридического), име-

ющий социальную значимость и сложную сеть отношений, «в котором реализуются различные стадии мыслительной деятельности по формированию и осмыслению понятия» [8]. В более широком смысле трансфер репрезентирует трансляцию нового знания в качественно ином типе дискурса, если принимать во внимание точку зрения В.Е. Чернявской о том, что «...тема дискурса раскрывается не одним текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов...» [9]. Таким образом, слово, взятое из юридического контекста (правового документа) и помещенное в художественный текст, прирастает новыми компонентами значения, новыми коннотациями и начинает функционировать как особая единица языка. Мысль о семантической и стилистической модификации юридических терминов в полярно ином формате дискурса высказывают О.Н. Кондратьева и Ю.С. Игнатова, подчеркивая, что «эти сдвиги отражают онтологически присущее языку свойство — способность и стремление к изменению» [10]. При этом основой для формирования языковых фактов и концептуальных структур гибридного дискурса становится категория **ситуативности**, предопределяющая совокупность лингвистических и нелингвистических средств выражения смысла, релевантных для описания конкретной когнитивно-коммуникативной ситуации. Именно ситуативность определяет выбор тех единиц, которые участвуют в процессе гибридизации.

В данном исследовании процесс гибридизации будет рассмотрен на примере слова-концепта РАЗУМНОСТЬ / REASONABLENESS, выступающего элементом гибридного художественно-правового дискурса и сформированного на базе оценочного понятия о корректности и правильности профессиональной деятельности судей Англии. Разумность действий представителя судебной власти четко зафиксирована в «Законе о детях» 1989 года, это подтверждается частотностью указанной лексемы и единиц, близких ей по семантике.

Одноименный роман написан по следам юридической практики известных барристеров. Выбор материала исследования в рамках гибридного дискурса обусловлен возможностью вскрыть остросоциальные проблемы, поднимаемые в рамках «холодной», беспристрастной юридической сферы, и осмыслить их сквозь призму естественных человеческих ценностей благодаря возможностям литературного произведения; выявить первостепенную важность для судьбы, с одной стороны — профессионализма (непредвзятости, бескомпромиссности перед законом и под.), с другой стороны — гуманности; подчеркнуть смысловые трансформации в понимании ключевых концептов правовой сферы, включенных в художественное произведение. Основой исследования гибридного дискурса является сравнительно-сопоставительный анализ смыслов контекстов, зафиксированных в «Законе о детях» и фрагментах одноименного романа.

Ситуативная эквивалентность в нарративной модели художественно-правового дискурса

Социально значимая природа нарратива в художественно-правовом дискурсе обусловлена трансляцией юридического знания в широкие общественные области с такой целью: по замечаниям В.И. Карасика, в нарративах о конкретных событиях (в нашей работе — о судебном процессе в Англии) происходит «анализ их причин и типичного развития, а также осмысление» рассматриваемых событий [11]. Исследование нарратива, согласно Ф. Анкерсмитту, строится на анализе четырех компонентов: поверхностная структура текста (непосредственно нарратив), глубинная структура («семантическое ядро» нарратива), правила трансформации текста (опущение или добавление некоторых деталей), грамматика текста [12]. Мы будем использовать термин **нарративная модель художественно-правового дискурса**, под которой в настоящем исследовании понимается авторская интерпретация события правовой действительности, репрезентированная в литературном произведении И. Макьюэна «Закон о детях».

С учетом дискурсивной и интертекстуальной природы текста гибридного формата, а также факта продуктивности процессов языковой гибридизации на структурном уровне и обогащения семантики гибридных единиц, в настоящем исследовании *нарративная модель художественно-правового дискурса* обобщает элементы пяти уровней его формально-содержательной организации: 1) поверхностная структура текста (событийный ряд, фактуальная информация); 2) «семантическое ядро» содержания; 3) детализация или генерализация описания ситуации; 4) грамматические средства выражения смысла; 5) прототекст, где прототекст — первичный нехудожественный текст, который лег в основу литературного произведения, в данном случае — «Закон о детях» 1989 года / «The Children Act».

Поверхностная структура текста художественно-правового дискурса анализируется с точки зрения архитектоники текста (структуры, событийного содержания, логики развертывания событий — сериального метода и др.). Согласно Ж. Делезу, «не бывает структуры без серий, без отношений между терминами каждой серии и без сингулярных точек, соответствующих этим отношениям» [13]. В романе И. Макьюэна судья Мей рассматривает разные судебные дела, в круг правовых и морально-этических проблем включены вопросы жизни и смерти сиамских близнецов, места жительства девочек семейства Харедим, лечения Адама Генри против его воли, заключающееся в переливании крови, что противоречит религиозным верованиям его родителей-свидетелей Иеговы и др. Каждая «серия» судебного разбирательства может включать инвариантные значения разумности, впоследствии моделирующие образ представителя судебной системы.

Глубинная структура, «*семантическое ядро*» содержания, реализуется главным образом посредством тематических единиц текста. Тематическая

единица текста — важная языковая единица текстового пространства, объективированная в повторе одного слова или слов одной тематической группы, актуализирующей ситуативно значимую семантику (актуальные семы). По замечаниям И.В. Арнольд, «... наиболее существенными для смысла целого текста являются повторяющиеся в нем значения, составляющие его тематическую основу или сетку. Эти значения могут быть выражены повторами слов, повторами сем или повторами тем...» [14]. Следует обозначить, что «семантическое ядро» гибридного художественно-правового дискурса не лишено коннотативных значений вследствие влияния художественной составляющей, что отличает его от имманентных характеристик сугубо правового дискурса. Интерпретационный потенциал одной и той же тематической единицы в прототексте и в нарративе художественного произведения варьируется с точки зрения синтагматических связей с другими языковыми единицами. Отметим, что важными механизмами трансфера юридического знания в художественный текст являются механизмы метафоризации и адъективации, способные трансформировать конвенциональное юридическое знание в пространстве художественного нарратива.

Третий уровень формально-содержательной организации гибридного дискурса — *правила трансформации текста*, предполагающие опущение или добавление некоторых деталей, — тесным образом связаны с авторским замыслом, прагматическими установками, литературными нормами эстетического творчества. Художественная *детализация или генерализация описания ситуации* является частью образа художественного как результат эстетического мастерства его создателя. Обобщение или опущение деталей в правовом документе в рамках сравнительно-сопоставительного анализа фрагментов двух текстов обусловлено различными аспектами актуализируемых концептов.

Исследование структурно-синтаксической организации высказывания (в широком смысле *грамматики текста*) позволяет выявить лингвопрагматический потенциал языковой реалии (слово, предложение, период текста). Механизм фокусирования как способ трансфера определенного знания обнаруживает корреляцию позиции слова с его прагматической установкой. В предложениях выявляются синтаксические доминанты, участвующие в формировании смысла целого высказывания. Нарративная модель художественно-правового дискурса имеет целью вскрыть особенности концептуализации важных в профессионально (здесь: юридически) значимой ситуации понятий в художественной картине мира с опорой на прототекст посредством выявления особых лингвопрагматических реалий в структурной организации высказывания.

Нарративная модель художественно-правового дискурса применяется в данном исследовании с позиции **ситуативной эквивалентности** текстовых отрезков двух дискурсов с целью сопоставления языковых фактов, называющих важные составляющие актуальной ситуации. По замечаниям

И.В. Арнольд, под ситуативной эквивалентностью понимается такое отношение между лингвистическими единицами, когда они обладают «общими свойствами, позволяющими им выполнять одинаковую функцию» и передают «равноценность ситуаций с какой-нибудь, например, этической, юридической, тактической и т.д. точки зрения» [14]. Исследуя процесс трансфера гуманитарного знания, Ю. Найда отмечает следующее: «... it is the referential, conceptual burden of the message that has the highest priority...» [15].

Ситуативная эквивалентность выражается в концептуальной релевантности языковых ситуаций с позиции трех параметров: 1) идентичность основных существенных свойств концептуальных пространств и их функций; 2) равноценность ситуаций с юридической точки зрения; 3) наличие дополнительных коннотаций. В предложенной теории ситуативной эквивалентности первые два параметра считаются константными, т.е. необходимыми условиями непосредственно самого понятия ситуативной эквивалентности, а третий параметр является переменным, наличие или отсутствие которого характеризует полную или частичную ситуативную эквивалентность.

Первый параметр ситуативной эквивалентности — *идентичность основных существенных свойств концептуальных пространств и их функций* — связан с описанием конкретной бытийной ситуации на уровне смысловой структуры. По замечаниям Л.Г. Бабенко, наряду с тем, что в художественно-правовом дискурсе находят отражение «все существенные свойства пространства как объективной бытийной категории..., репрезентация пространства уникальна, так как в нем воссоздаются творческим мышлением, фантазией автора воображаемые миры... в художественном тексте воплощается объективно-субъективное представление автора о пространстве» [16]. Анализируя доминантный принцип организации языка и языкового сознания, Н.Н. Болдырев говорит о существовании *частных* когнитивных доминант в языковом сознании индивида-автора в отличие от *общих, коллективных*; последние «в языковой деятельности обнаруживаются в использовании имен концептов и категорий, характерных для коллективного сознания соответствующих групп» [17].

В этой связи концепт РАЗУМНОСТЬ / REASONABLENESS, который далее будет подробно рассмотрен, является частью коллективного сознания, репрезентированного в правовом документе, и инвариантно отражается в нарративе романа, что проявляется «в выборе фокуса, точки отсчета, аспекта осмысления... и конкретных языковых единиц для его передачи» [17]. Так, основные существенные свойства концептуальных пространств неизменно проявляются в лексике, отражающей коллективно-индивидуальный характер интерпретации в гибридном дискурсе и «измеряются» *эквивалентностью тематических единиц*, формирующих «семантическое ядро» содержания двух фрагментов.

Дополнительных пояснений в аспекте первого параметра ситуативной эквивалентности требует рассмотрение *эквивалентности тематических единиц*, которая предполагает трехступенчатую формулу достижения равноценности смысловых значений: 1) семантическое тождество лексических единиц; 2) общность дистрибуции в прототексте и тексте романа; 3) логическое сцепление выявленных единиц в «сериях» текста. Под общностью дистрибуции в исследовании понимается такое позиционное распределение лексических единиц в словосочетаниях, которые маркированы синонимичностью соседних языковых единиц. Если дистрибуция предполагает рассмотрение конкретного фрагмента — дискретного сегмента текста, то сцепление представляет собой цепь взаимосвязанных по смыслу, логике и структуре высказываний, помещенных, как отмечает И. В. Арнольд, «в сходные позиции». По замечаниям автора, «основная функция сцепления состоит в том, чтобы осуществлять взаимосвязь элементов в структуре целого» [14]. Следовательно, сцепление в нарративно-документальном пространстве гибридного дискурса представляет собой связность семантических значений тематических единиц между «сериями» текста, формируя комплекс инвариантных смыслов концепта «разумность».

Под *равноценностью ситуаций с юридической точки зрения* — второй параметр ситуативной эквивалентности — мы понимаем соответствие общепризнанным правовым доктринам и нормам, выявление единого пространственно-логического континуума исследуемых концептуальных пространств, отсутствие маркеров принадлежности контекстов разным временным отрезкам. Пространственно-логический континуум характеризуется включенностью в языковую ситуацию одних и тех же акторов действия и актуальностью логических связей внутри контекста: причина — следствие, цель — завершение и т.д.

Третий (вариативный) параметр ситуативной эквивалентности связан с наличием *коннотативного компонента* в гибридном высказывании. Возможные коннотации, создаваемые «пластически-живописными характеристиками внешнего действия» в художественном тексте, по замечаниям М.М. Бахтина, «переводят действие в другой план, в другой ценностный контекст» [18]. Адекватная реализация предметно-логического значения слова (терминология И.В. Арнольд) в двух текстах художественно-правового дискурса при отсутствии дополнительных коннотаций, в том числе выраженных эмоционально-оценочной лексикой как имманентной характеристикой художественного текста является показателем полной ситуативной эквивалентности фрагментов двух дискурсов. Следует заметить, что коннотации, возникшие посредством интеграции языковых маркеров юридического дискурса и единиц художественного текста в тексте романа, не остаются «за кадром» и для прототекста, они обогащают концептуальное пространство правового

документа, способствуя рассмотрению функционирования правовой системы в таких жизненных условиях, которые максимально приближены к реальным.

Таким образом, *ситуативная эквивалентность в нарративной модели художественно-правового дискурса* становится необходимым условием сравнительно-сопоставительного анализа текстовых фрагментов, позволяющим систематизировать знание о концептуальной релевантности рассматриваемых языковых фактов. Как отмечает М.М. Бахтин, любой текст (в том числе дискурс как совокупность двух текстов) «представляет собой не чисто лингвистическую данность», а уникальный феномен культуры [18]. Нарративная модель художественно-правового дискурса призвана вскрыть особенности моделирования когнитивного феномена РАЗУМНОСТЬ / REASONABLENESS действий английского судьи и выявить специфику новых смыслов, сформированных, главным образом, «силами» художественного текста.

Концепт РАЗУМНОСТЬ / REASONABLENESS в аспекте лингводискурсивной гибридизации

Обратимся к иллюстрации того, как истоки гуманизма в процессе принятия судебных решений, нашедшие языковую репрезентацию в «Законе о детях» 1989 года, интерпретированы в литературном произведении. Проследим смысловые трансформации значимых лексических единиц, участвующих в процессе гибридизации и обусловленные ситуативностью.

В законе о детях 1989 года концепт «разумность» связан с тремя акторами — родителями (опекунами, родственниками и др.), судом (court, authority) и детьми. Ключевая лексема «*reasonable*» встречается в тексте закона 117 раз; она частотна в таких выражениях как «*reasonable grounds*», «*reasonable expenses*», «*reasonable excuse*», «*reasonable cause*», «*reasonable to do something*» и т.п. Современное значение слова «*reasonable*» исследуется наравне с актуализацией этимологического компонента языковой единицы в аспекте ретроспективного взгляда на предметно-логическое значение слова в лексикографических источниках разного временного сегмента. Также принимается во внимание точка зрения И.В. Арнольд о синонимии как «одном из видов лексической эквивалентности» [14]. Лексикографическое описание языковой единицы с позиции дефиниционного, компонентного анализа и синонимической парадигмы позволяет зафиксировать тематические единицы в нарративно-документальном пространстве.

Согласно словарю АБВУ Lingvo 6, в дефиниции «*reasonable*» актуализирована семантика разумности, умеренности, справедливости и правильности: 1. *having sound judgment, fair and sensible*; 2. *as much as is appropriate or fair; moderate*; 3. *there are good reasons why it may be correct* (АБВУ Lingvo 6). Словарь Webster's Complete Dictionary of the English Language акцентирует значение рациональности, толерантности и важности: «*rational*; no excessive,

within due limit; *tolerable, considerable*) (WCDEL). В словаре A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms выявлены следующие синонимы слова (синонимия как «частный случай эквивалентности», по И. В. Арнольд): *sober, equitable, judicious* [CDSA]. Цепь дефиниций включает также языковые единицы «*serious*», «*solemn*», «*sincere*», «*formal and dignified*», «*impartial*» (ABBYY Lingvo 6).

Слово-концепт «*reasonable*» включает следующие структурные компоненты: ‘подходящий’, ‘соответствующий ситуации’; ‘рациональный’; ‘правильный’; ‘серьезный’; ‘умеренный’; ‘непредвзятый’; ‘рассудительный’; ‘беспристрастный’.

Важность и разумность родительской ответственности обозначена в «Законе о детях» в ч. 3 п. 5:

A person who –
 (a) *does not have parental responsibility for a particular child; but*
 (b) *has care of the child, may (subject to the provisions of this Act) do what is reasonable in all the circumstances of the case for the purpose of safeguarding or promoting the child’s welfare* [3]. Забота о ребенке предполагает защиту его благополучия и здоровья: *care — the provision of what is necessary for the health, welfare, maintenance, and protection of someone or something* (ABBYY Lingvo 6). Основная цель действий родителей — защита. Доминантной лексической единицей является глагол *promote*, репрезентирующий сему дальнейшего прогресса — *further progress of something* (ABBYY Lingvo 6). В тексте романа зафиксирован фрагмент, содержащий аналогичную тематическую единицу, помимо слова-концепта *reasonable*: *She believed she brought reasonableness to hopeless situations. On the whole, she believed in the provisions of family law. In her optimistic moments she took it as a significant marker in civilization’s progress to fix in the statutes the child’s needs above its parents* [2].

Полными эквивалентами в данном контексте следует считать слова *promote* и *progress*, эксплицирующие способность развития здоровой и успешной личности подростка как маркера сильной цивилизации: *progress — development towards an improved or more advanced condition; promote — raise (someone) to a higher position or rank*. Общность дистрибуции слов *reasonable* и *reasonableness* с языковыми маркерами юридического дискурса *promoting* и *progress*, а также фокусирование на источнике права — *provisions (of this Act, of Family law)* — формирует тесную и неделимую связь концепта «разумность» с движением вперед в случае согласованности действий с правовыми нормами.

Позиционное распределение слов *safeguard* и *promote* в одном контексте становится устойчивым в «Законе о детях», оно повторяется в ч. 3 п. 17 (1): «*It shall be the general duty of every local authority (in addition to the other duties imposed on them by this Part) — (a) to safeguard and promote the welfare of children within their area who are in need...*» [3]. Согласно лексическому

значению слова *safeguard*, подчеркнем, что оно эквивалентно слову *protect*: *safeguard — protect from harm or damage with an appropriate measure* (АВВУ Lingvo 6). Действия судьи Мей после вынесения ей судебного решения о переливании крови подростку вопреки его желанию оцениваются самим Адамом Генри как желание защитить его: «... “*Look, you saved my life. And it’s not only that. My dad tried to keep it from me, but I read your judgment. You said you wanted to protect me from my religion. Well, you have. I’m saved!*”» [2]. В пространстве художественного нарратива подростка приходится защищать от религиозных предрассудков, в плену которых находятся его родители.

Сцепление двух фрагментов текста «Закона о детях» эксплицирует одну идею — защита благополучия ребенка, в то время как в пространстве художественного произведения на примере рассмотренных отрывков романа мы наблюдаем динамику развития ситуации, заключающуюся в детализации ее описания: цель защиты уточняется — от религиозных убеждений, навязанных родителями.

Языковая репрезентация безвыходной ситуации — «*hopeless situation*» — коррелирует с текстом «Закона о детях» — «*in all the circumstances of the case*»; словосочетание «*child’s welfare*» — с «*child’s needs*». Таким образом, мы можем говорить об идентичности основных существенных свойств двух текстовых пространств и выражения ими одинаковых функций в силу выполнения следующих условий: 1) эквивалентность тематических единиц *promote / progress, safeguard / protect*; 2) указание на единую пространственно-временную характеристику ситуации, выполняющую номинативную функцию (*hopeless situation*); 3) уточнение понятия «благополучие ребенка» (*needs*). Равноценность ситуаций с юридической точки зрения реализуется в едином пространственно-логическом континууме (акторы — родители, суд и подопечные) и за счет уточнения источника права — *provisions of this Act / of Family law*. При отсутствии дополнительных коннотаций, экспрессивно-оценочной лексики, мы можем констатировать полную ситуативную эквивалентность представленных текстовых фрагментов на смысловом уровне. Формальная организация гибридного дискурса подчиняется прагматическим установкам нарративно-документального пространства, где цель «Закона о детях» — представить основную «доктрину» разумных действий представителя судебной власти, а задача нарратива — сконструировать на основе этой доктрины концептуальную картину мира английского судопроизводства, основанного на персонифицированной модели поведения его слугителей.

Защита детей в тексте «Закона о детях» и в романе И. Макьюэна ассоциируется с выбором разумного пути. В правовом документе 14 раз встречается словосочетание «*reasonable steps*» в значении «разумные действия» как правильные шаги на пути к достижению цели. Проследим языковую репрезентацию в контексте: «*Every local authority shall take reasonable steps, through the provision of services under Part III of this Act, to prevent children within their area*

suffering ill-treatment or neglect» [3]. В пространстве художественного произведения концепт разумности судебных решений эксплицируется посредством метафоры «путь / маршрут принятия судебного решения». Обратимся к фрагменту романа: «*The narrative ingredients were compelling: tragic babies, kind-hearted, solemn and eloquent parents in love with each other... In this dire contest there was only one desirable or less undesirable outcome, but a lawful route to it was not easy. Under pressure of time, with a noisy world waiting, she found, in just under a week and thirteen thousand words, a plausible way*» [2].

В лексикографических источниках зафиксирован синоним-эквивалент *plausible* — *reasonable* (АВВУ Lingvo 6). Отметим, что дефиниция слова *plausible* — *(of an argument or statement) seeming reasonable or probable, valid* — содержит коннотацию сомнения и эмотивной оценки действия со стороны. Лексема *lawful* в сочетании «*a lawful route*» — *recognized by law, allowed by law* — напрямую отсылает читателя к закону, к пониманию того, что действия судьи Мей подчинены действующим законам, что подтверждается в контексте: «*It was not her business or mission to save him, but to decide what was reasonable and lawful*» [2].

Выражение «*in dire contest*», репрезентирующее значение борьбы (*struggle*), в художественном тексте коррелирует с целью, указанной в правовом документе, — «*to prevent children...*», что свидетельствует о реализации в широком смысле единой функции — целеполагание действий судьи. В качестве эксперимента возможна замена выражения «*a plausible way*» словосочетанием «*take reasonable steps*»: ... *in just under a week and thirteen thousand words, she took reasonable steps*. Заметим, что общий смысл высказывания не меняется, данные выражения ситуативно эквиваленты. Однако слово *way* предполагает целый комплекс «шагов», определенный метод, стиль, «технику» принятия решения и включает значение пути как пройденной дистанции, в силу чего появляется импликация «разумный, но достигнутый с трудом». Дальнейшее развитие наша мысль о существовании определенной «техники» принятия судебных решений — «разумного подхода» — приобретает в следующем фрагменте текста: «*Berner and Carter appeared to be colluding in the grisly facts for the benefit of the parents. It was a reasonable line of approach and Fiona did not intervene*» [2].

Отмеченные тематические единицы *plausible* и *reasonable* следует признать частично эквивалентными в силу присутствия в значении первой единицы дополнительной коннотации эмотивной оценки действия со стороны. Объектом метафоризации в рассмотренных фрагментах художественного текста становится «путь» принятия решений, моделирующий художественное воплощение определенной судебной «техники». Тем не менее, следует констатировать идентичность реализуемой функции — целеполагание в судопроизводстве — и равноценность ситуаций с юридической точки зрения в аспек-

те пространственно-логического континуума. Разумность профессиональных действий судьи уточняется в нарративно-документальном пространстве с позиции трудоемкости достижения высокого профессионализма, модификации собственной модели поведения, необходимости оценки действия со стороны.

«Закон о детях» эксплицирует собирательный образ власти в слове «*authority*». Ключевыми акторами становятся не только судьи, но и социальная служба, опекуны, а также частные лица, заинтересованные в благополучии ребенка. Ответственность судьи Мей, выраженная в ее способности действовать с «серьезностью физика-ядерщика», изображается в романе в тесной связи с профессионализмом социальной службы принимать разумные решения: «*If the parents could not agree, the law, reluctantly, must take the decisions. Fiona would preside with all the seriousness and obedience to process of a nuclear scientist. Preside over what had begun with love and ended in loathing. The whole business should have been handed to a social worker, who could have taken half an hour to reach a sensible decision*» [2]. Дефиниция слова *preside* эксплицирует семантический компонент «*be in the position of authority*». В настоящем контексте на первый план выходит «вся серьезность (разумность)» принимаемых судебных решений с позиции человека, решающего судьбу ребенка.

В рамках исследования понятия ситуативной эквивалентности обратимся к фрагменту в «Законе о детях», транслирующему аналогичную мысль о судьбе ребенка как его (суда) первостепенной задачи: «*When a court determines any question with respect to — a) the upbringing of a child; ... the child's welfare shall be the court's paramount consideration*» [3]. Сравнительный оборот художественного текста «*with all the seriousness and obedience of a nuclear scientist*» реализует значение правового документа — «*paramount consideration*», где *paramount* означает «*more important than anything else; of great significance*», *consideration* — «*careful thought*», в аспекте совпадения семы — аккуратность, тщательное обдумывание действий.

В данных фрагментах выявлена идентичность существенных свойств и функций. В аспекте содержательной организации высказываний она проявляется через указание на результат деятельности судебной власти — в тематических единицах, выражающих семантику ситуации принятия решения (*determine a question, take the decisions*) — и на существование некоторой «высшей точки» в словах *reach, paramount*, регламентирующих высшую точку достижения эффективности в ситуациях действительности.

Формальная структура текстов подчинена прагматическим установкам судопроизводства через идею долженствования (*shall, must*). Учитывая эквивалентность тематических единиц (*decide; determine — firmly decide*) (АВВУУ Lingvo 6), а также дистрибутивную сочетаемость выражений «*reach a sensible decision*» и «*firmly decide*», обозначим, что концепт «разумность» приобретает в гибридном дискурсе значение строгости и твердости принимаемых решений, где понятие «строгость» постулирует значение отвлеченности от всех субъек-

тивных факторов. Так, словосочетания «*take the decision*», «*reach a sensible decision*», «*firmly decide (determine) any question*» обладают общностью дистрибуции в аспекте корреляции перфективности глагола, образного компонента (*sensible, firmly*) и слов-дериватов (*decide, decision*). Равноценность ситуаций с юридической точки зрения обусловлена единым пространственно-логическим континуумом: на стороне правосудия задействованы те же акторы — *law, court*. Частичная ситуативная эквивалентность текстовых фрагментов констатирует факт трансфера знания между концептуальными пространствами: оттенок строгости разумных судебных решений «вплетается» в нарративно-документальное пространство гибридного дискурса, метафоры и сравнительные обороты художественно-эстетического творчества обогащают сферу правового документа. Вслед за Д.С. Лихачевым, обозначим, что «художественные концепты, чаще всего представленные образной формой, ...не остаются лишь единицей художественной модели мира автора текста», смысловое поле художественного нарратива вносит особый вклад в формирование концептуальной картины мира [19].

Тема доминирования благополучия ребенка в процессе принятия судебных решений является в романе узловой и находит выражение в следующем фрагменте романа: «*The welfare of the child therefore dominates my decision, and I must decide what E's welfare dictates*» [2]. Необходимо отметить, что указанный фрагмент, хотя тематически и архитектурно связан в романе по своей содержательно-формальной организации с рассмотренными выше фрагментами, он является элементом другой «серии» судебного разбирательства.

Разумность судопроизводства в «Законе о детях» репрезентируется также оборотами «*consider appropriate*»/ «*appropriate in the circumstances of the case*» и др. (*appropriate* встречается в документе 204 раза), «*give due consideration*»/ «*paramount consideration*», утверждающими главную цель — защитить и обеспечить благополучие детей («*safeguard and promote*»). Дополнительный интерпретационный потенциал и коннотативное значение в романе содержит метафора «*fashion a judgment*» в контексте: «*She would have liked to see this boy for herself... immerse herself in the intricacies, fashion a judgment formed by her own observations*» [2]. Конвенциональными выражениями для выражения настоящего действия, согласно словарю под редакцией А.С. Мамуляна и С.Ю. Кашкина, являются сочетания «*give, render, deliver, pass judgment*» [АРПЮС]. В правовом документе встречается также «*pass a resolution*» [3].

Глагол «*fashion*» имеет следующее значение: *make into a particular form*. Обращаясь к этимологическому компоненту слова «*fashion*» с целью определения его «внутренней формы», отметим следующее: *whatever is in accord with conventional usages of the upper class society for the time being* [CODCE]. Ключевым моментом в вынесении судебного решения является «согласованность с обычаями общества в данный период времени», что соответствует понятию «разумность» с правовой и семантической точки зре-

ния (*in accord with = appropriate*). «Мода» в судебном решении коррелирует с собственным стилем Фионы Мей в процессе ведения дела, что обусловлено контекстуально — *«immerse herself in the intricacies», form a judgment «by her own observations»*. С первых страниц романа становится понятно, какого рода судебное решение принимает судья Мей: *«She had a powerful grip on what was conventionally correct»; «...Fiona Maye was praised... for the compact terms in which she laid out a dispute»; «...and kindness, the Family Division daily proved, was the essential human ingredient» [2]*.

В данном контексте мы можем говорить о частичной ситуативной эквивалентности при общности дистрибуции в *«pass a resolution»* и *«fashion a judgment»*, идентичности семантики слов *resolution* и *judgment* (с единственной разницей в количестве участников, принимающих решение: *judgment — a decision made by a judge; resolution — a formal decision taken at a meeting by means of a vote*), равнозначности ситуаций с юридической точки зрения, тем не менее, с разницей в экспрессивно-оценочных характеристиках выражений.

Художественная ткань романа обогащает понимание сложного процесса вынесения судебных решений, зафиксированных в «Законе о детях», от правильных и разумных до выстраданных и с трудом принятых. Образ судьи Мей моделируется в нарративной модели художественно-правового дискурса в аспекте генерализации и детализации описания ситуаций. Процесс трансфера знания между двумя концептуальными областями позволяет проследить смысловые трансформации, возникающие на стыке двух дискурсов, а сравнительно-сопоставительный анализ текстовых фрагментов через призму ситуативной эквивалентности обнажает инвариантные характеристики и особенности моделирования образа судей в литературном произведении vs. правовом документе.

Таким образом, концепт «разумность» в правовом документе в аспекте заботы о благополучии ребенка со стороны родителя или третьего лица уточняется в художественном произведении: целью защиты становится развитие успешной личности, при этом третье лицо (в данном случае судья) должен защитить подростка от религиозных верований, навязываемых родителями. В нарративно-документальном пространстве моделируется желаемая модель поведения служителей закона, и предлагается возможный вариант персонифицированной модели, основанный на моральном и профессиональном долге судьи встать на сторону ребенка. Разумный подход к решению вопроса, эксплицируемый в юридическом документе как «правильные шаги в разрешении судебного дела», приобретает интерпретацию тщательно обдуманной судебной техники в романе, позволяющей оценить профессионализм представителя власти с позиции трудоемкости и грамотности принятых им решений. Разумность судебных действий репрезентируется в литературном произведении через призму невероятной точности, обязательной безошибочности, тщательного обду-

мывания каждого шага судьи. Строгость и твердость характера человека, наделенного судебной властью, становятся в нарративно-документальном пространстве доминантными профессиональными и личностными качествами. Экспрессивность выражений, функционирующих в тексте гибридного формата, акцентируют внимание на «человеческой составляющей» поведения судьи, выводя на первый план беспрецедентно чуткое отношение судьи к рассматриваемым судебным делам.

Заключение

Формирование гибридного художественно-правового дискурса маркировано процессом интеграции двух видов знания — специального и художественно-эстетического в рамках единого эмерджентного нарративно-документального пространства. Гибридный дискурс выступает как социокультурная практика, призванная обнаружить острые и неоднозначные проблемы правовой системы и транслировать их в широкие круги общественности посредством жанра романной прозы, который впоследствии оказывает влияние на реконструкцию смысла в правовом документе.

Результат трансфера знания между концептуальной областью права и литературным произведением эксплицируется в нарративной модели художественно-правового дискурса, обобщающей элементы пяти уровней его формально-содержательной структуры (поверхностная структура текста, «семантическое ядро» содержания, детализация или генерализация описания ситуации, грамматические средства выражения смысла и прототекст). Именно она — нарративная модель художественно-правового дискурса — создает условия для порождения новых смыслов и новых коннотаций в тексте гибридного формата.

Под воздействием специфики создаваемых образов в художественном произведении, архитектоники объекта литературного творчества и особой дистрибутивной сочетаемости единиц внутри синтагматических единств, коннотативный материал слов-концептов «вплетается» в канву художественного текста, впоследствии обогащая и концептуальную картину мира реального.

Заложенная в нарративной модели художественно-правового дискурса идея корреляции художественной интерпретации текста с текстом правового документа, имеющего юридическую силу, основывается на категории ситуативности, которая отвечает за выбор единиц, участвующих в гибридизации и трансформации их содержания. Понятие ситуативной эквивалентности — полной или частичной, лежащее в основе сравнительно-сопоставительного анализа текстовых фрагментов, позволяет проанализировать языковые ситуации с позиции эквивалентности тематических единиц, равноценности и релевантности их соответствия одной правовой «доктрине», тем самым стано-

вится возможным выявить аспекты взаимовлияния и точки соприкосновения двух концептуальных пространств.

Исследование неоднородного, «смешанного» формата дискурса позволяет систематизировать знание о его семантической и формальной организации через призму процесса моделирования лингвоментальных феноменов. Концепт РАЗУМНОСТЬ / REASONABLENESS как комплекс подвижных концептуальных представлений о корректности действий представителя закона в нарративно-документальном пространстве акцептирует как сугубо человеческие, так и профессионально значимые характеристики личности представителя судопроизводства — несгибаемость и железная воля, ориентированность на справедливость и точность решений. При этом разумное действие судьи приобретает оттенки учтивости, толерантности, оно не лишено «человеческой составляющей».

Подводя итог настоящему исследованию, подчеркнем, что гибридный художественно-правовой дискурс, нашедший отражение в нарративной практике, представляет собой сложноорганизованный механизм порождения новых смыслов, уникальный способ вербального представления правового «фрагмента» мира в виде высказываний, образованных посредством интеграции языковых маркеров юридического дискурса и единиц художественного текста. Возникающие в нарративно-документальном пространстве новые смыслы и коннотации фиксируют причинно-следственные связи, возникающие между двумя полярно разными концептуальными областями, и выявляют значимые аспекты общественно-социальных и правовых институтов, требующие особого внимания на пути формирования здорового общества. Например, актуальной в рассмотренном тексте гибридного формата оказывается потребность социума в профессиональных служителях закона, социальном патронаже как индивидуальной форме помощи семьям и детям, попавшим в опасную, кризисную ситуацию, медиации, представляющей эффективную модель решения споров в досудебном порядке.

Библиографический список

1. Джиоева А.А., Стрельникова О.Ф. Репрезентация метафорического концепта семьи в англоязычном политическом дискурсе как отражение реальных процессов в мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 2. С. 377–383. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-377-383>
2. Mcewan I. The Children Act. London: Vintage books, 2014.
3. «The Children Act». 1989. Режим доступа: https://www.congreso.es/docu/docum/ddocum/dosieres/sleg/legislatura_10/spl_78/pdfs/46.pdf. (дата обращения: 07.04. 021).
4. Солопова О.А., Наумова К.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 15–21. <https://doi.org/10.26710/fk18-04-02>
5. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007.
6. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

7. Новикова М.Л. Аксиология художественного пространства сквозь призму геопэтики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 115–123. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123>
8. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Моделирование трансфера знания в гуманитарных науках // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2(41). С. 36–40.
9. Чернявская В.Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 83–93. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-4-83-93>
10. Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. «Словарь юридических терминов в российских СМИ XXI века» как новый лексикографический продукт // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 4. С. 182–194. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-04-16>
11. Карасик В.И. Восстание: интерпретативная матрица сюжета // Язык и культура. 2020. № 50. С. 41–56. <https://doi.org/10.17223/19996195/50/4>
12. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003.
13. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический проект, 2011.
14. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
15. Nida E.A., Taber C.R. *Theory and practice of translation*. Leiden, 1982.
16. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.
17. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 21–79.
18. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
19. Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2018.

Лексикографические источники

1. АРПЮС — Англо-русский полный юридический словарь / А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин. М.: Изд-во ЭКСМО, 2005.
2. АБВУ Lingvo 6 — Электронный словарь. Выпуск: 16.1.3.49. ООО «Аби продакшн», 2014.
3. CDSA — A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms, or synonyms and words of opposite meaning / by Rt. Rev. Samuel Fallows, A.M., D.D. NY: Chicago: Toronto: Fleming H. Revell Company, 1898.
4. CODCE — The Concise Oxford Dictionary of Current English / by H. W. Fowler and F. G. Fowler. Oxford: At the Clarendon Press, 1919.
5. WCDEL — Webster's Complete Dictionary of the English Language / by Chauncey A. Goodrich, D.D., L.L.D. and Noah Porter, D.D., Dr. C.A.F. Mahn, of Berlin, and others. London: George Bell and sons, 1886.

References

1. Dzhioeva, A.A. & Strelnikova, O.F. (2017). The Metaphorical Representation of the Concept of Family in English Political Discourse as a Reflection of Real Processes in the World. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(2), 377–383. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-377-383> (In Russ).
2. McEwan, I. (2014). *The Children Act*. London: Vintage books.
3. «The Children Act». (1989). URL: https://www.congreso.es/docu/docum/ddocum/dosieres/sleg/legislatura_10/spl_78/pdfs/46.pdf. (accessed: 07 April 2021).

4. Solopova, O.A. & Naumova, K.A. (2018). Hybrid discourse formats: classification issues. *Philological class*, 4 (54), 15–21. <https://doi.org/10.26710/fk18-04-02> (In Russ).
5. Fateeva, N.A. (2007). *Intertext in the world of texts*. Moscow: KomKniga. (In Russ).
6. Chernyavskaya, V.E. (2009). *Linguistics of the text: Polycode content, intertextuality, interdiscursiveness*. Moscow: LIBROKOM publ. (In Russ).
7. Novikova, M.L. (2017). Literary space axiology: Geopoetic aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(1), 115–123. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123> (In Russ).
8. Alekseeva, L.M. & Mishlanova, S.L. (2020). Knowledge transfer modeling in the humanities. *Cognitive studies of language*, 2(41), 36–40. (In Russ).
9. Chernyavskaya, V.E. (2017). Operationalization of context in discourse analysis. Perm University Herald. *Russian and Foreign Philology*, 9(4), 83–93. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-4-83-93> (In Russ).
10. Kondratyeva, O.N. & Ignatova, Yu.S. (2021). “The Dictionary of Legal Terms in the Russian Mass — Media of 21st Century” as a New Lexicographical Product. *Philological Class*, 26(4), 182–194. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-04-16> (In Russ).
11. Karasik, V.I. (2020). Uprising: interpretative subject plot matrix. *Language and Culture*, 50, 41–56. <https://doi.org/10.17223/19996195/50/4> (In Russ).
12. Ankersmit, F. (2003). *Narrative logics. Semantic analysis of the historians' language*. Moscow: Ideja-Press. (In Russ).
13. Delez, Zh. (2011). *Logics of meaning*. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ).
14. Arnol'd, I.V. (1999). *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Saint Petersburg: Saint Petersburg university publ. (In Russ).
15. Nida, E.A. & Taber, C.R. (1982). *Theory and practice of translation*. Leiden.
16. Babenko, L.G. (2004). *Philological analysis of the text. The basics of the theory, principles and aspects of analysis*. Moscow: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga. (In Russ).
17. Boldyrev, N.N. (2020). The dominants-oriented principle of language and linguistic consciousness structure. *Cognitive studies of language*, 4(43), 21–79. (in Russ).
18. Bahtin, M.M. (1979). *Esthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ).
19. Dzijuba, E.V. (2018). *Cognitive linguistics: manual for higher educational institutions*. Ekaterinburg. (In Russ).

Dictionaries

1. Mamuljan, A.S. & Kashkin, S.Ju. (2005). *English-Russian Complete Law Dictionary*. Moscow: JeKSMO. (In Russ).
2. ABBYY Lingvo 6 (2014). Electronic dictionary. Edition: 16.1.3.49., LLP «Abi prodakshn».
3. Samuel Fellows A.M. (1898). *A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms, or synonyms and words of opposite meaning*. NY: Chicago: Toronto: Fleming H. Revell Company.
4. Fowler, H.W. & Fowler, F.G. (1919). *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. Oxford: At the Clarendon Press.
5. Goodrich, Ch.A. (1886). *Webster's Complete Dictionary of the English language*. London: George Bell and sons.

Сведения об авторах:

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; *сфера научных интересов*: теория языка, когнитивная лингвистика, сопоставительная лингвистика; *e-mail*: ev_dziuba@uspu.me
ORCID ID: 0000-0002-3833-516X.

Рябова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева; *сфера научных интересов*: теория языка, дискурсология, лингвокультурология; *e-mail*: i.y.ryabova_3012@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5904-8971.

Information about the authors:

Elena V. Dziuba, Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University. *Research interest*: Theory of Language, Cognitive Linguistics, Comparative Linguistics; *e-mail*: ev_dziuba@uspu.me
ORCID ID: 0000-0002-3833-516X.

Irina Y. Ryabova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, *Research interest*: Theory of Language, Discourse Theory, Language and Culture Studies; *e-mail*: i.y.ryabova_3012@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5904-8971.